

**Ренат
ЯНЫШЕВ**

КАНИКУЛЫ ЮНОЙ ВЕДЬМЫ

Ренат Рифович Янышев

Каникулы юной ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26347144

Аннотация

Даже самое обычное летнее путешествие в деревню может обернуться цепочкой невероятных событий: опасных и не очень, грустных и смешных. А всего-то навсего главная героиня сгоряча пожелала, чтобы её папа стал маленьким. Ещё бы кто-нибудь подсказал, как исправить содеянное. А ещё лучше: помог. Вот с таких простых вопросов и начались непростые приключения Ники и её папы...

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	24
Глава IV	32
Глава V	40
Глава VI	50
Глава VII	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

КАНИКУЛЫ ЮНОЙ ВЕДЬМЫ

Глава I

Знакомство с Белозером

Пожилая проводница распахнула дверь и, охнув от натуги, рванула вверх металлический щит, прикрывавший ступени. В тамбур со свежим воздухом ворвался незнакомый, чуть горьковатый запах.

Папа спустился вниз, выставил на платформу чемоданы и повернулся ко мне, чтобы подать руку. Но я успела прыгнуть, так что папе ничего не оставалось делать, как только исхитриться поймать меня. Оказавшись в папиных руках, я перехватила неодобрительный взгляд какой-то тетке в вагонном окошке, но тут же и забыла о нем, поскольку папа (в ответ на мой прыжок) лишь ухмыльнулся:

– А если б не поймал?

– Если бы, да кабы..., – протянула я.

Поезд, избавившись от нас, тяжело вздохнул, потянулся, гулко хрустнув всеми сочленениями, и медленно, словно тяжелая гусеница, пополз дальше к незнакомым землям. А мое прибытие на родину предков свершилось.

Старая, вся в трещинах, густо опутавших поверхность, просевшая кое-где до земли платформа, на которой мы оказались, совсем затерялась среди леса. И только вдали виднелась какая-то избушка с небольшим клочком расчищенной

земли.

Едва железная гусеница скрылась за поворотом, как на меня мягко навалилась оглушительная тишина. Я собралась испугаться, что почему-то оглохла, но, к облегчению, уловила щебет птиц в глубине леса.

– Это что, и есть Белозеро? Это здесь мы жить будем? – потребовала я ответ у папы.

Но папа отмолчался – то ли не хотелось ему говорить, то ли просто не расслышал. Он стоял, запрокинув голову в небо, и лишь раздувал ноздри, шумно втягивая воздух. Я подумала, что, может, так и надо, и тоже стала принюхиваться, чем же может пахнуть отечество. От медленно колыхавшегося марева, струившегося от земли, на нас волнами наплывал все тот же запах с легкой горчинкой, который я уловила еще в тамбуре поезда. И мне представилось, что этот воздух можно было бы пить, будь он хоть чуть-чуть погуще.

– Значит, Тимофеич, доехал-таки?

Скрипучий голос прозвучал так внезапно, что я вздрогнула. Незаметно, словно из-под земли, рядом с нами возник смешной дед в драной телогрейке. А ведь я могла поклясться – еще какое-то мгновение назад здесь никого не было. Кудлатая дедова борода с застрявшими в ней соломинками топорщилась в разные стороны. Внезапно незнакомец принялся отчаянно чесать живот, и по его лицу разлилось такое блаженство, что я не выдержала и захихикала.

Наконец дед крикнул, успокоился и открыл глаза.

– Доехал, а то, как же, раз обещался, – спокойно ответил папа, а я стала судорожно соображать, пока они обнимались. Выходит, Тимофеичем здесь зовут моего папу? А, ну конечно, какая же я бестолочь, дедушку звали Тимофей, значит, папа – Тимофеевич, а это в свою очередь означает, что встречали именно нас.

– Вот, Ника, знакомься, твой двоюродный дед Кузьма Петрович.

– Да чего там! Просто дед Кузя, – заулыбался родственничек.

Взрослые подхватили чемоданы и двинулись к домику, примеченному мною раньше. Там нас поджидала грустная пегая лошадь, запряженная в телегу, полную душистого сена. Животина уныло покосилась на нас, но, видимо, ничего приятного не обнаружила и, хлестнув хвостом по спине от надоедливых слепней, снова уставилась в землю перед собой.

Мне же очень понравились колеса у телеги: деревянные, с железным ободом; и я стала запоминать конструкцию, чтобы по возвращении рассказать Саньку. Мы с ним давно хотели сделать что-нибудь подобное...

Внезапно я подлетела в воздух, а через мгновение упала прямо на сено. Аж дух захватило от полета. Это папа закинул меня наверх копны, а сам устроился с дедом Кузей на передке.

Лежать в сене оказалось необычайно здорово! От него так

вкусно пахло летом. К тому же в траве ползало множество букашек, и я, вспомнив, что нам на лето задавала Римма Анатольевна по биологии, решила начать их изучать.

– Н-о-о! – свирепо гаркнул дед Кузя и телега, качнувшись с боку на бок, тронулась с места.

Но тут папа отвлек меня от исследований вопросом:

– Ну, как, нравится тебе здесь?

Я не ожидала подвоха и ответила, что, конечно, нравится.

– Вот видишь, а вспомни, как ты сопротивлялась, когда я сказал, что поедem в деревню, а не на дачу? Ты помнишь, как вредничала?

Он бы еще что-нибудь предложил вспомнить. Это было так давно. И я совсем не вредничала, а хотела просто выразить свое мнение. Но разве взрослым что объяснишь? Поэтому я насупилась и решила отмолчаться. Может, отстанут. И действительно, они стали что-то бубнить о своих знакомых и о всякой всячине, впрочем, я особо не прислушивалась...

...Уже стало смеркаться, когда лес внезапно расступился, а наш путь преградил забор из длинных, косо выставленных жердей. Дед Кузя слез с телеги и вытащил из укосин две жердины, загораживавшие нам колею. Машка (это лошадь нашу так звали) тут же прошла сквозь освободившийся проём и остановилась, дожидаясь возницу, пока тот заправит препоны обратно.

Я-то ожидала увидеть нечто большее. Не город, конечно, но как на картинках в учебнике по истории: холмы, густо об-

саженные большими деревянными теремами в два, а то и три этажа; много людей в ярких нарядах, все что-то делают, куда-то спешат, из труб валит дым. А здесь лес с неохотой отдал людям чуток своих владений, чтобы они втиснули вдоль дороги (она же улица) домов тридцать с небольшими огородами. Мы медленно катились мимо палисадников. Но меня уже не радовали ни резные наличники, ни гуси, ни куры, неохотно убегающие из-под копыт Машки. Я загрустила окончательно. Здесь точно не предвиделось большой компании, такой, как у нас на даче. А с кем я беситься буду? Тут я вдруг подумала, что местные дети тоже, наверное, уезжают на свои дачи, и в деревне кроме меня никого не окажется.

И стоило соглашаться с папой, чтобы обречь себя на заточение в этой лесной глуши?

Тут Машка остановилась, и большие резные ворота по правую руку от нас стали открываться, словно сами по себе. На неожиданно большом подворье, куда завернул телегу дед Кузя, нас, видимо, давно поджидали. Под навесом, устроенным на высоких шестах, стояли длинные столы в два ряда, заставленные мисками, тарелками и прочими емкостями. На лавках вдоль столов сидели люди, разом обернувшиеся на скрип тележных колес. Они все дружно бросились к нам обниматься и целоваться. Я ничего не успела сделать, как меня схватили и стали передавать друг другу, тиская и приговаривая:

– Ой, какая же ты стала большая!

Я мужественно вытерпела, поскольку не знала, кто из них мне приходится родственниками, судя по всему – вся деревня, но поклялась себе больше в деревне не ездить. Наконец какая-то добрая женщина просто вырвала меня из нескончаемых объятий со словами:

– Поди, деточка, пока, умойся с дороги, переоденься, а Лизка тебе поможет. Лизка-а, ты где?

Передо мной появилась девочка почти такая же, как я, может, лишь чуть-чуть выше. Склонив чуть набок голову, она внимательно стала меня разглядывать. Я в свою очередь тоже стала играть в гляделки. Осмотр принес свои положительные плоды – Лизка как Лизка. По крайней мере, одна девочка в деревне Белозеро есть. Пусть молчунья, зато не глухая, всё понимает, да и глаза вроде ничего, не злые. Мама меня учила оценивать человека по глазам. Смотрит ли он на тебя прямо и так далее. Так вот, по маминой методике, с Лизой я смогу подружиться.

Тут она меня взяла за руку, словно маленькую, и повела за крыльцо. Я выдернула руку, но пошла следом. Вскоре обнаружился такой же уличный рукомойник, как и у нас на даче. Я еще смывала мыльную пену, а Лиза тем временем обернулась в дом за полотенцем и теперь стояла, наблюдая, как я вытираюсь.

– А почему у тебя имя такое не русское?

Я чуть не упала. Оказывается, Лиза умеет говорить, а я-то приняла ее за немую.

– Конечно не русское. Это греческое имя. Так меня назвали родители.

– А что оно означает?

– Победительница.

– И кого же ты победила?

«Ехидина какая».

– Пока никого, но в будущем обязательно.

– А ты сама выбираешь себе прическу?

Незадолго до поездки мы с мамой сделали мне новую прическу – длинное «каре», чем я очень гордилась. У самой же Лизы была толстенная, огромная коса почти до пояса. Мне такой и за всю жизнь не отрастить.

– Конечно! Кто же еще?

В это время нас стали торопить, и Лиза, уже не хватаясь за руки как в детсаде, побежала в дом. Я никогда не бывала в настоящем деревенском доме, но постаралась не показать виду перед Лизой, как мне здесь понравилось. Тем более что это был наш дом, доставшийся папе по наследству. Дед Кузя и тетка Варвара присматривали за ним, но не жили тут. Из сеней я сразу попала в горницу. А на лавке у окна кто-то уже разложил мои вещи. Наскоро переодевшись, я расчесала на ходу волосы, решив, что времени на осмотр у меня еще хватит, и вернулась во двор.

Взрослые уже зажгли фонари над столами во дворе. Нам с Лизой достались места напротив моего папы, рядом с теткой Варварой, той самой, что спасла меня от смертельных объ-

тий родичей.

Но, как выяснилось, это оказалось не самое удачное место. Тетка Варвара и Лиза наперебой стали угощать меня всякой всячиной, не забывая, впрочем, подкладывать еду и в свои тарелки. А мне есть совсем не хотелось. Я долго терпела, а потом просто демонстративно отложила вилку в сторону. Лизка вроде поняла, и отстала было, зато тетка Варвара продолжала командовать:

– А вот, может, кусочек гуся? Ну-ка, Лизка, подложи гостю во-он тот кусочек.

Я мучительно вздыхала и пыталась перехватить взгляд папы, чтобы он выручил меня. Но он лишь изредка подмигивал, совершенно не обращая внимания на мой умоляющий взгляд, и продолжал веселиться. Я несколько раз порывалась уйти. Только куда бы я ушла? Я ведь даже не знала, где мы будем спать.

Но, видимо, еще осталась на земле справедливость. Потому что тетка Варвара образумилась:

– Пойдём-ка, я покажу тебе кровать, а то ты уже сидя глаз не размыкаешь.

Она отвела меня в дом, где я быстро забралась под тяжелое одеяло и мгновенно уснула, хотя за окном затянули песни...

Глава II

Странная поляна

Просыпаться не хотелось совершенно. Я приоткрыла один глаз, но вокруг царила непроглядная темень.

И тут, близко-близко, как будто прямо под окном, разорался петух. Откуда-то издалека ему ответил еще один такой же полуночник. Слышно было, как первый шумно похлопал крыльями и немного поклекотал, прочищая горло. И снова воцарилась тишина, однако весь сон уже куда-то пропал, и я стала раздумывать, чем же мне заняться в первый день. Ничего не решив, я вновь сомкнула веки и «отправилась» на свой остров.

Я и так, пока мы ехали в поезде трое суток, не вызывала к жизни Морских жителей, и Принц, наверное, совсем заскучал. Раньше я пыталась записывать в общую тетрадь все, что с ними происходило, чтобы хоть что-то оставалось на память, но потом бросила. Гораздо лучше просто лежать с закрытыми глазами в тишине и представлять себе зеленый остров посреди моря, где живут смелые мореходы, и придумывать им приключения. Иногда я была просто наблюдателем, но гораздо чаще сама участвовала в их жизни. Сегодня, например, выяснилось, что Принц смертельно заболел, а придворные лекари лишь бессильно разводили руками. То-

гда я стала путешествующей знатной Дамой, которая в далекой Индии овладела всеми секретами йоги. Эти секреты выдал один влюбившийся в меня махараджа, он хотел забрать меня в свой гарем, но я с помощью пиратов сумела убежать и теперь спешила к своему Принцу.

Но вот заскрипела входная дверь в каюту, и в тот же миг все исчезло: белое воздушное платье, в котором я стояла на носу белоснежной яхты, всматриваясь вдаль, когда же покажется берег; пираты, сторожившие награбленные сокровища; дельфины, сопровождавшие меня в пути...

– Хватит бока давить! – весело закричала с порога тетка Варвара. – А то все на свете проспите. Уж завтрак давно готов.

Я уткнулась в подушку, а когда с меня стали стаскивать одеяло, начала брыкаться. Тут кто-то громко охнул, и я поняла, что опять перестаралась. Тетка Варвара потирала бок:

– Ишь, какая лягастая кобылица у тебя выросла, а не дочка. А, Тимофеич?

– Да уж! – самым своим грозным голосом ответил папа (оказывается, он спал в одной комнате со мной). – Кто-то сейчас получит по полной программе за нанесенное троюродной тетке увечье.

Но гроза в голосе меня не обманула. Папа вовсе не сердился. Хотя на всякий случай я обернулась, чтобы убедиться.

Он тут же бросился на меня, словно только и ждал моего

взгляда, как команды, схватил в охапку и побежал вон из дома. На улице оказалось прохладно, и я стала лягаться по-настоящему. Я сильно обиделась, хотя это и не спасло меня от обливания холодной водой. В общем, утро прошло бурно.

Так что после завтрака, который, к слову сказать, накрыли там же, где праздновали вчера наш приезд, я побыстрее решила смыться, чтобы найти Лизу, пока мне не придумали какое-нибудь глупое занятие.

Выскочив за ворота, я в растерянности остановилась. Где мне найти Лизкин дом? Но, по счастью, на завалинке у соседней избы на бревнах сидел дед Кузя и что-то мастерил. Я направилась к нему. Он явно заметил мое приближение, но головы не поднял. Присев рядом, я стала наблюдать, как он осторожно обстругивал ножом узловатый корешок.

И вдруг из-под острого лезвия, отсекавшего все лишнее, стал проявляться чертик. Это было так здорово! В стороны отлетали толстые и тонкие щепки, и вот уже обозначилась голова с рожками. А вот и весь черт, с копытцами и хвостом, устроился на ладони деда Кузи. Такой смешной и чем-то неувлимо похожий на своего создателя.

– Ну, вы даете! Прямо как папа Карло! – восхитилась я.

– Это который деревяшку оживил? – пробурчал дед. – Дык и мы с усами.

Он стал что-то шептать, затем подышал на чертика и, на что угодно могу поспорить, это чудо вдруг помахало мне рукой. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, чертик вновь был

неподвижным.

— Иди вон в тот дом с зелеными воротами. Там Лизка живет. А то уж забыла, поди, зачем пришла? — дед помолчал, а потом протянул мне чертика. — На! Возьми, коли понравился.

Я осторожно положила игрушку в свой любимый рюкзачок и, не забыв поблагодарить (вежливость — моя отличительная черта), пошла за Лизой. По пути я пыталась понять: привиделось мне, что чертик пошевелился, или нет, хотя сам он, весь такой деревянненький, был вполне реальным.

Лизка стояла на крыльце и кивала, как китайский болванчик, в ответ на то, что говорила ей мама. Я подошла поближе и поздоровалась. Чуть позже мне стало ясно, что мой папа привез какие-то лекарства для лесника Николая, и Лизу как раз снаряжали в путь. Естественно, я увязалась с ней. В жизни не видела настоящей заимки с живым лесником!

Вначале все было хорошо. Золотисто-коричневые стволы сосен изредка перемежались березовыми рощицами, солнце, тепло, даже комары почти не донимали. Тропка вилась меж стволов деревьев, пересекалась ручейками, ныряла во впадины и поднималась на взгорки. Мы с Лизой шли и болтали о том, о сем. А потом она вдруг, в ответ на мой рассказ, сказала, что я врунья. Хотя я действительно сама видела по телевизору, как козы лазают по деревьям. Короче, мы поссорились. А еще она стала утверждать, будто я одна в этом лесу заблужусь. Хм... Можно подумать, я с папой ни разу за гри-

бами не ходила. А у нас на даче тоже настоящий лес. Только, может, не такой красивый.

Мы даже остановились, а потом Лизка недовольно топнула ногой:

– Ну, ты идешь или нет?

Я не люблю, когда так со мной разговаривают, и, конечно, сказала, что нет. Вот так я и осталась одна. Лизка скоро скрылась за поворотом, а я села на пенек и стала думать, что же мне делать: идти позади Лизки, потихоньку, чтобы все же посмотреть на заимку, или вернуться в деревню.

Лизка не вернулась, чтобы помириться, и я двинула обратно. В одном месте, я хорошо это помнила, тропка делала большой крюк, так почему бы его и не срезать? И я тут же стала первооткрывателем, пробирающимся в джунглях Африки.

Хотя делать этого не следовало. Пока я воевала с дикими обезьянами, залитый солнечным светом сосновый бор незаметно сменился глухим ельником. Серые стволы с иссохшими сучьями, до макушек поросшие голубоватым мхом, обступили меня. Вокруг все замерло. Только молчаливые мураши из окрестных муравейников спешили по своим делам да пауки сидели на своих паутинах, поблескивавших то тут, то там. Мне показалось, что кто-то наблюдает за мной, но, обернувшись, никого не увидела.

Вот это влипла, что называется! В первый же день заблудилась в лесу. Когда меня найдут, ох и попадет же мне от па-

пы. А потом в голове зародилась мысль, не понравившаяся мне гораздо больше первой: а если не найдут? Я стала вспоминать все, чему нас учили по ОБЖ в школе, но оказалось, что ничего путного в памяти не всплыло, кроме одного: если вы потерялись, то оставайтесь на этом же месте и кричите о помощи. Но, во-первых, мне это место совершенно не нравилось, здесь даже посидеть негде; а во-вторых, я долго кричать не могу: сразу садится голос. Поэтому я решила пойти обратно, чтобы выйти на тропку туда, где мы расстались с Лизой.

И, естественно, эта затея провалилась. Хотя я и твердила себе, что найду тропинку, но уже успела два раза прореветься, разбить коленку, а лес вокруг лишь становился все гуще и гуще. И самое неприятное: начинало смеркаться. В очередной раз упав, я не стала подниматься, но только приготовилась немножко поплакать, как услышала чье-то хныканье. Кто-то неподалеку тоже то ли поскуливал, то ли всхлипывал. Не понять. Неужели еще кто-то заблудился? Пусть даже не человек, а хотя бы собака. Все равно, собака – друг человека, мне сейчас очень нужен настоящий друг, не такой, как Лизка. Я поднялась на ноги и пошла на звуки.

По мере приближения стало понятно, что звуки доносятся как бы из-под земли. А вскоре я заметила впереди темный провал. Когда я подошла вплотную к краю, мне стало не по себе, поскольку яма оказалась очень странной. Я сразу представила себе, что это великан ткнул пальцем и пошел даль-

ше. Только палец его был в два моих роста. А на дне ямы копошилось что-то маленькое. Оно сразу затихло, заметив меня. Ну, точно, щенок упал в эту дыру и не может выбраться.

– Сейчас, маленький, я тебя вытащу, – постаралась я его успокоить и стала придумывать, что сделать. Тут я вспомнила, как мы на даче вылезали из ямы. А вскоре нашлась и подходящая упавшая сосенка, обломанная так, как было нужно: не слишком толстая, сухая, с крепкими ветками. Конечно, пришлось повозиться, чтобы дотащить ее до ямы. И парадно-гуляльное платье, сшитое мамой перед поездкой, оказалось порванным в двух местах, но ради спасения живого существа настоящий спасатель пожертвует всем, даже сыром (ой, опять меня заносит).

Наконец бревно оказалось рядом с ямой, и я стала аккуратно спускать его вниз. Но рваный край платья незаметно зацепился за сук и, когда ствол стал заваливаться, то потянул и меня. Я не успела испугаться, как оказалась внизу. Отфыркиваясь и отплеываясь, я вскочила и поняла, что упала очень удачно. Ничего не сломано, правда, опять разболелась коленка. Настала пора спасать пленника земли. Ой, мамочки! Это оказался не щенок, а медвежонок, опять захныкавший при моем появлении. Совсем-совсем маленький.

– А где же твоя мама? – пожалела я малыша и стала примеряться к подъему наверх. Медвежонок я на всякий случай положила в рюкзачок, а чертика пересадила за пазуху, так что он теперь торчал у меня под подбородком. Сосну я вы-

брала удачную, было за что цепляться, и скоро мои глаза поравнялись с поверхностью. И вот тут я поняла, что теперь пора заплакать по-настоящему. У края ямы нас поджидала мама малыша. Она стояла на четырех лапах, мотая головой из стороны в сторону. Тут медведица заревела, и мне стало совсем дурно. Я чуть не свалилась обратно, и только мысль, что могу придавить в падении малыша, помогла удержаться на ногах.

Внезапно медведица замолчала, хотя продолжала внимательно смотреть.

– Пожалуйста, не трогай меня, – дрожащим голосом начала я свою речь, – я ведь только хотела помочь твоему ребенку. Я тоже ребенок, и у меня тоже есть мама, которая будет плакать, если ты меня съешь.

С этими словами я вытащила малыша, безуспешно до этого возившегося в рюкзачке, и протянула матери. Она поката-ла его по хвое и затем, отшлепав, отчего тот опять захныкал, закосолапила прочь. Но, пройдя несколько шагов, поверну-лась ко мне и мотнула головой. Если я не ошибаюсь, меня куда-то пригласили? Мне подумалось, что хуже не будет. И я храбро пошла навстречу неизвестности.

Чертик занял свое место в кармане. Медведица неспешно потрусила впереди, причем медвежонок болтался, зажатый клыками за шкуру в маминой пасти, а я из последних сил бежала, пытаюсь не отстать.

По счастью, бежать оказалось недолго. Вскоре мы высо-

чили на небольшую, но очень уютную полянку. Медведица остановилась, рыкнула на меня так, что я замерла от неожиданности, и быстро исчезла меж деревьев. Я попробовала ее догнать, но она словно растворилась среди елок. Уже стремительно надвигалась темнота, мне было страшно, живот сводило от голода, и ужасно хотелось пить. Тут я вспомнила, что на полянке, где я отстала от медведицы, был ручей, и вернулась. Полянка словно специально поджидала меня. Деревья расступились, и стало хоть чуточку, но светлей. Я отыскала ручей и опустилась на траву, чтобы напиться. Неожиданно трава оказалась удивительно мягкой и нежной. Лежать на ней было так приятно, что я, напившись, не стала подниматься на ноги, а отползла чуть-чуть от ручья и разлеглась на траве. От земли исходило какое-то доброе, надежное тепло. Я незаметно успокоилась и устала ввысь. Тьма окончательно поглотила лес. Круглая ярчайшая луна в окружении сверкающих звезд, каких никогда не увидишь в городе, давала достаточно света, чтобы мне не было страшно. Тут я вспомнила о подарке деда Кузи, вытащила чертика из кармана и положила его рядом, чтобы он тоже мог полюбоваться на все это...

...Мне снился сон о том, что утром дорога домой легко отыщется. Или добрая фея леса, пожалев меня, взмахнет волшебной палочкой и сделает так, что, когда я вернусь, никто еще не будет меня искать, а тем более ругать. А быть может, эта фея даже сумеет вернуть меня в тот момент, когда

я еще не поссорилась с Лизой. Мне было так хорошо во сне, меня окружали всякие смешные существа, они веселились на поляне, плясали и пели песни. Я понимала, что вижу сон, и жалела, что их нет наяву, такие они были славные...

...Мне стало щекотно, и я открыла глаза, в тот же момент вспомнив весь вчерашний день. Но настроение от этого не ухудшилось. Выспалась я прекрасно, даже лучше, чем дома. Есть не хотелось совершенно. Я напилась и умылась у ручья и спокойно пошла в лес, выбрав направление наугад. Вокруг снова был хороший бор, идти было легко. И солнце еще не успело достичь зенита, как я уже вышла на какую-то тропку. Я двинулась по ней и за ближайшим поворотом наткнулась на Лизку, стоявшую руки в боки:

– Чего ты там застряла? Нам еще идти и идти.

Я бросилась было к ней:

– Ой, Лиза! Со мной такое случилось, такое... – и вдруг вспомнила сон про фею. Я остановилась и глянула на подол – платье снова было целым. Сунув руку в карман, я обнаружила там чертика. – Представляешь! Я вчера, то есть сегодня, ну... – тут я запуталась окончательно. – Да! Я вчера потерялась и заблудилась...

Тут я та-ак укололась ладонью о чертика, что вскрикнула от боли. Выпростав руку, я слизнула капельку крови и замолчала. Что-то расхотелось посвящать Лизку в свои приключения.

Она с недоумением смотрела на меня, потом, видимо ре-

шив, что не стоит обращать на это внимания, махнула пренебрежительно рукой и двинулась дальше. Но я теперь не обижалась на нее, а идя следом, размышляла, что же это со мной приключилось...

Глава III

На заимке лесника

...Могло ведь случиться так, что я отошла в сторонку, вдруг потеряла сознание и за несколько мгновений успела все это как бы «увидеть». Я где-то читала о таком. Да и как доказать, что все было на самом деле? Тут я вспомнила про разбитую коленку, тут же задрала подол, но и здесь меня постигло разочарование. Конечно, уж если платье целое, то что говорить о какой-то ссадине.

Заимка мне представлялась маленькой опрятной избушкой, почему-то обязательно торчавшей из-под огромного валуна. На самом деле ничего подобного я не обнаружила. На большой поляне, в самом центре, стояла крепкая изба, окруженная сараями попеременно с грядками и теплицами. От леса все хозяйство отделялось хлипкой изгородью. Я сразу вспомнила привидевшуюся медведицу и зябко поежилась.

У калитки молча застыли две громадные черные немецкие овчарки. По мере нашего приближения они все громче урчали, так что я невольно остановилась.

— Вы что, негодники, а ну-ка на место, — замахала на них руками Лиза. — Это Ника из города, она у нас будет гостить еще долго.

На удивление, собаки ее послушались и поплелись к буд-

кам у крыльца, правда, пару раз оглядывались на меня.

Я прищурилась из-за солнца, бившего прямо в глаза, когда смотрела вслед овчаркам, и вдруг ощутила какую-то неправильность. Я потрясла головой, чтобы в глазах прояснилось, и вдруг поняла, что меня смущало у того пса, что был покрупней. Еще весной, когда он сломал левую заднюю лапу, кости срослись нормально, но маленький осколок (из-за того, что хозяин проминал поврежденное место чересчур сильно перед постановкой шины) сместился и врос в мышцу. Чулак (так звали пса) старался не показывать виду перед хозяевами, что не может двигаться как раньше, хотя бедняга постоянно терпел боль. Естественно, это привело к тому, что он стал раздражительным и угрюмым.

Я смело направилась к нему, не обращая ни на что внимания. Пес заворчал, но не стал сопротивляться, когда я вытащила его из будки за ошейник. Он улегся на бок, и только когда я прикоснулась к поврежденному месту, обернулся и обнажил клыки. Я стала водить руками и почти сразу ощутила под ладонью жар, исходящий от постоянно воспалявшейся мышцы. Самым легким решением было прирастить осколок обратно к кости, что я и сделала. Чулак взвыл, взвился в воздух и стал носиться по двору.

Ой-ой-ой! Что же это я сделала? Я ведь вылечила собаку. А как я это, интересно, сделала?

– Ника! – я обернулась на голос Лизки. Та смотрела на меня совершенно круглыми глазами. – Ты чего с ним сделала?

– Сама не знаю, – искренне ответила я.

В это время ко мне подбежал Чулак и, подсунув свою голову мне под ладонь, замер.

– Странно, Чулак ведь никогда незнакомых не признает! – продолжила Лизка. – Ой, здравствуйте тетя Нина!

К нам приближалась высокая полная женщина, на ходу расправляя подол платья. В ее глазах прятались веселые огоньки:

– Ну, здравствуйте, здравствуйте, коли не шутите. А это, значит, и есть Ника. А что сам Вовка не пришел?

Я сначала даже не поняла, что за Вовка. Лизка сообщила быстрее:

– А они с моим папой остались мотоцикл чинить.

– А-а, – протянула хозяйка. – Вот какое дело. Ишь ты. Тогда ладно, пошли в дом, у меня еще самовар не остыл.

Мы взошли на высокое резное крыльцо.

– Хозяин все сам, своими руками делал, – похвалилась тетя Нина.

И действительно, присмотревшись, я разглядела, что столбы были сплошь покрыты вырезанными змейками, жуками, бабочками и прочей живностью.

В доме, накрывая на стол, хозяйка засыпала меня вопросами. Я, как могла, отвечала на них, продолжая рассказывать и во время чаепития. Вот это было здорово, я имею в виду чаепитие с настоящим огромным самоваром. Тетя Нина разожгла в нем угли сапогом, и он почти тут же запел. Дорога

по лесу пробудила во мне аппетит, и я стала с удовольствием есть блинчики.

Через какое-то время я остановилась, чтобы перевести дух. И тетя Нина, и Лизка сидели молча, облокотившись на стол, и как-то странно смотрели на меня.

– Ты откуда ж такая голодная? – нарушила затянувшееся молчание тетя Нина. – А может, у тебя солитер завелся?

Я не знала, кто такой солитер, но на всякий случай отрицательно мотнула головой. Затем, разглядев пустую тарелку из-под блинчиков, хотя еще недавно на ней была целая горка, перевела взгляд на хозяйку:

– Это что? Все я съела?.. Ой, извините, я не хотела... Честное слово, совершенно случайно... Я больше не буду.

Извинившись по полной программе, я потупилась. Мне действительно стало стыдно за свое поведение. Прямо не девочка, а Робин Бобин Барабек какой-то. Что скажет мама, когда узнает? Вот тут я в первый раз поняла, что значит «готов под землю провалиться от стыда».

– Ты точно больше ничего не хочешь? – зачем-то спросила тетя Нина. – А то я мигом.

Я покраснела как рак и стала выбираться из-за стола.

Лизка догнала меня уже на крыльце:

– Да перестань ты, тетя Нина не хотела тебя обидеть.

Я буркнула, что и не думала обижаться, и уселась на перила, свесив ноги. Лизка пристроилась рядом. Хорошо хоть не стала болтать, можно было спокойно пораскинуть мозгами

и подвести первые итоги. Вокруг меня явно что-то происходило. А может быть, со мной? И поговорить-то не с кем. Папе тоже не расскажешь, он сразу начнет смеяться, да потом еще полгода подкалывать будет. Была бы мама рядом, она бы успокоила, объяснила все. Придется самой разбираться, не маленькая уже.

Тут я повеселела. Действительно, что это я раскисла? Все нормально, здесь как в квесте: сначала ничего не понятно, а потом замечаешь странность какую-то или что-то вроде подсказки, начинаешь пробовать – дальше, дальше, так и проходишь весь этап. Пусть не с первого раза, но ведь здесь для меня и таймера никто не ставил. Ничего, разберемся.

Теперь можно было и осмотреться, узнать, как живут настоящие лесники. Но на задворках в загоне копошились вполне обычные свиньи, такие же, как и в Белозере. Да еще пестрая корова лежала у раскрытых ворот в хлев, уткнувшись мордой в поленницу дров. От нее исходила такая грусть, что ее никогда бы не пригласили в рекламу молока. Я снова сощурилась из-за внезапного порыва ветра и тут же, сквозь опущенные ресницы, увидела, что корова очень мучилась от боли в желудке.

Тут как раз вышла из избы тетя Нина. Видимо, она перехватила мой взгляд на корову, потому что тут же вздохнула: – Что-то приболела Звездочка, кормилица наша, уже второй день ничего есть не хочет.

Вот это да! Получается, что и тетя Нина ничего не видит?

А я-то почему вдруг вижу?! Ну-ка попробую: открыла глаза, как обычно, – все нормально; только прищурилась – вот оно, болезненное пятно внутри коровы.

Медленно спустившись с крыльца, я направилась к Звездочке. Она жалобно замычала, едва почувствовала мое приближение. Мне же захотелось хоть как-то унять ее муки, и потому я принялась осторожно оглаживать больное место, почти не касаясь шкуры. Постепенно руки мои стали выписывать странный узор, подчиняясь неведомому ритму. Я сидела, поглаживая теплый бок. Сколько это продолжалось, я не поняла, но пятно внутри коровы сошло на нет, а сама болезная бодренько этак поднялась и потрусил в хлев.

Я устало опустилась на землю и стала медленно приходить в себя. Что же это творится со мной? Я никому ничего не сделала плохого. Я маленькая городская девочка, приехавшая погостить на папиной родине. За что мне все это?

Теперь очевидно, что «потерянный» день существовал на самом деле, а не только в моем воображении. И приходится признать, что в этот день со мной что-то произошло. И я даже знаю, что именно, – я стала ветеринаром! Хм-м!

Почему я? Однако уже вряд ли что изменишь, мелькнула такая мысль. Я поднялась с колен и заглянула в хлев к Звездочке. Ей явно было лучше, так как она с удовольствием подбирала из яслей сено.

А с крыльца на меня таращились тетя Нина и Лизка. Я подошла поближе.

– Так ты ведунья? – с опаской промолвила лесничиха. – То-то я гадала, что это у тебя глаза такие черные, еще гуще, чем у отца.

Началось... Я не стала объясняться. Это бесполезно. Все равно как слепому рассказывать о красках. И хотя я еще толком не осознала открывшиеся во мне силы, глубоко внутри появилось ощущение, что лучше молчать.

После обеда, во время которого мне опять хотелось есть как безумной, я отпросилась отдохнуть, и лесничиха отвела меня наверх в светелку. Она так и сказала – светелку. Я упала на кровать и мгновенно уснула, без приятных снов, зато и без кошмаров.

Вечером с дальних выгонов вернулся лесник дядя Коля и после ужина приладил к мотоциклу коляску. Мы уселись с Лизкой, тетя Нина нагрузила нас банками с вареньем, и мы поехали в деревню.

Уж не знаю, о чем там говорили хозяева про меня, но только всю дорогу лесник, хмурясь, косился в мою сторону. Мне эти взгляды были очень неприятны, и я все отворачивалась в сторону. Хорошо хоть мы ехали не по асфальту, и ему приходилось очень внимательно следить за дорогой.

По возвращении я не стала ужинать, а сразу отправилась к себе. В доме было пусто, тихо. Со двора тоже не доносилось ни звука. Я улеглась на кровать.

Я – ведунья. Ведунья? Ведьма – вот я кто. А кто-то мне как-то говорил, что ведьмами и волхвами в древности назы-

вали мутантов. Мамочка! Я не хочу быть мутантом! Я хочу быть нормальным ребенком!

Я залезла под одеяло и, свернувшись в клубок, потихонечку стала скулить от жалости к самой себе...

Глава IV

Кто я?

Папа сидел на краю кровати и осторожно поглаживал меня поверх одеяла. Я сладко потянулась и в тот же момент, вспомнив все, открыла глаза. За окном была непроглядная темень.

– Давай, малыш, рассказывай, что тут с тобой произошло, – в папиных глазах искрилось веселье.

Я глубоко вздохнула, затем судорожно обхватила папу за шею и заревела в голос. Вволю нарыдавшись, я выпила воды, стуча зубами о край стакана, и, позабыв о своих прежних намерениях, всё-всё поведала папе.

По мере рассказа у папы все больше отвисала челюсть. Правда, он пытался задавать наводящие вопросы, чтобы лучше что-либо понять, но к концу повествования глаза у папы были такие, словно его только что огрели по голове.

А потом он засмеялся! Я ведь так и предполагала, и зачем только раскрыла рот? Но папа вдруг подхватил меня на руки и закружил по комнате:

– Как здорово! Теперь у меня есть дочка-ведьма! Ура!

Он стал прыгать и нести всякую чепуху. Я вырывалась, но он держал меня крепко и, в конце концов, я тоже засмеялась – такое замечательное веселье устроил мой папа. Под конец

он схватил метлу, заставил меня ухватиться за ее черенок и, взяв меня под мышки, вновь закружился по комнате. Он кружил и кружил, а я была совсем не против, поскольку мне тоже понравился полет в папиных руках.

А потом папа вдруг резко остановился и отпустил меня. Я же сделала еще несколько кругов по комнате и плавно опустилась рядом со столом.

У папы волосы встали дыбом, как у кошки на загривке, когда она фырчит. Он сделал несколько шагов по направлению к двери, затем, не оборачиваясь ко мне, поднял палец, призывая к вниманию, и произнес:

– Всё под контролем. Жди меня здесь. Не улетай. Я скоро вернусь.

Я и не собиралась. Но мне так понравилось летать, что я подхватила метлу и стала нарезать виражи. И вдруг, кружась вокруг люстры, я поняла, что теперь папа будет мне завидовать, а не я ему. Он здорово умеет водить машину и все время кормит меня обещаниями, что посадит за руль лет через пять, не раньше. Зато теперь я буду летать, и на права сдавать не надо! Вот это классно! И тогда я открыла окно и вылетела на улицу.

Уже совсем стемнело. На небе взошла круглолицая луна. Я поднялась чуть повыше, захлебываясь от ужаса и восторга, охвативших меня. Во всех домах светились окна. Кое-где на подворьях раскачивались от ветра наружные лампы, отбрасывавшие зыбкие тени. Соседский пес увидел меня, вы-

летавшую в окно, да так и застыл, лишь сипло тявкнув.

Я кружилась над деревней, всё увеличивая скорость. Ух! Всю жизнь мечтала полетать на самолете или вертолете. И вот теперь со мной кое-что случилось! И это гораздо круче, чем быть простым пассажиром. На самолетах все могут летать, а вот на метле попробуйте! Какие-то чувства распирали мою грудь, и я сначала повизгивала, а потом (правда, значительно удалившись от деревни) стала орать во весь голос. Вдруг из глубин леса мне ответил волк, затем завыл еще один. И я стала кричать еще громче! И странно – голос не садился.

Я поднималась всё выше к звездам. На отдалявшейся земле все слабее светили огоньки деревни Белозеро. И вдруг далеко-далеко в северной стороне на самом горизонте я разглядела огонек. Любопытство – не порок, и я направилась напрямик туда.

В самой гуще леса на небольшой полянке стоял аккуратный домик, обнесенный невысокой изгородью. То тут, то там виднелись грядки, а дорожки были вымощены камнем. Из трубы шел дымок. Рассеиваясь в воздухе, он придавал ему необычайный аромат. И я невольно задышала глубже. Красивое крыльцо освещалось двумя фонариками. Конечно же, мне захотелось подлететь поближе, чтобы получше рассмотреть.

Вдруг дверь в домик распахнулась и в проеме появилась женщина. Она тут же замахала мне рукой, словно поджидала

меня:

– Залетай, залетай, не бойся.

Я осторожно спустилась и прошла внутрь. Вот таким и должен быть сказочный дом феи. Очень уютный и аккуратный. В нем сразу чувствуешь себя словно дома. По углам стояла резная красивая мебель, я же забралась с ногами в большое кресло у каменного очага и устроилась на огонь. Почти тут же появилась хозяйка с подносом в руках и, придвинув ко мне столик, принялась накрывать его. Вскоре мы пили чай и слушали, как потрескивают дрова.

– В головке у тебя очень много вопросов, это видно сразу. Я могу тебе кое-что рассказать об этом мире. Так что – спрашивай. Кстати, можешь звать меня – Хранительница.

И я тут же ляпнула:

– А вы человек?

Она рассмеялась в ответ, откинувшись на подголовник:

– Ой, не могу! Ну, конечно же, я человек. А в чем дело?

– Но вы же волшебница?

– Нет, моя хорошая. А почему ты так решила?

– Ну, раз я – ведьма, а вы меня ждали, значит, вы тоже?..

– Ой, и кто же тебе сказал такую глупость?

– Лесничиха.

Хозяйка домика посерьезнела и, добавив в чашки удивительно ароматного чая, предложила мне рассказать все по порядку. Так что мне пришлось опять вспоминать все свои приключения.

Она о чем-то задумалась. Затем встряхнула головой и произнесла:

– Ясно, тогда я сейчас попытаюсь тебе объяснить все, что с тобой случилось. Устраивайся поудобнее и слушай.

Я так и сделала. А потом еще и накрылась пледом. Хозяйка поставила рядом со мной конфетницу в виде лебедя и начала говорить:

– Я не буду употреблять сложных слов и постараюсь, чтобы ты поняла. Если же что не так, сразу спрашивай. Хорошо?

Я кивнула, и хозяйка продолжила:

– Что такое звезды, ты знаешь? Так вот, звезды излучают в космос свою энергию мощным потоком, распространяющуюся на все окружающее пространство, подобно волнам океана. Но энергия каждой конкретной звезды на разных людей влияет по-разному. Ты ведь слышала, как про иных говорят: он родился под счастливой звездой? Просто на самом деле для каждого человека существуют как бы свои звезды, на которые он реагирует лучше, чем другие.

Хранительница грустно усмехнулась чему-то своему:

– Любому человеку может необычайно повезти, если он окажется под своей звездой. Но это должно произойти только в определенном месте и в определенное время, когда влияние «его» звезды на него наиболее благоприятно. Для тебя таким местом оказалась эта поляна. И звезды дали тебе способности влиять на живые существа, управлять своим телом, да и чужими тоже. Плохо, что ты еще такая маленькая. По-

тому что, кому много дается, с тех много и спрашивается.

Она замолчала, подкинула дров в угасающий огонь и потом вновь негромко заговорила:

– У каждого человека есть свое предназначение в этом мире. Но только встреча со своими звездами позволяет отыскать собственный путь. Человек живет в согласии с самим собой и окружающим миром только тогда, когда звезды раскрывают его возможности и предназначение. Вся беда нашего мира не в том, что он несовершенен, а в том, что многие люди так и не находят свою звезду.

– А у вас какое предназначение? – пошевелилась я.

– Я – хранительница этих лесов. Пока я здесь живу, тут не будет лесных пожаров, никаких бедствий. Никто сюда не придет и не вырубит его на продажу. В изобилии рождаются грибы, ягоды. В речках исключительно чистая вода, в которой резвится рыба. Животным хорошо и привольно. Разумеется, и людям стараюсь помогать. Только они не всегда эту помощь принимают.

– А у меня какой путь? Вы поняли?

– Нет. Я не знаю твоего пути. Звезды раскрыли твои способности. А уж как ты их применишь, будет зависеть только от тебя. Одно могу сказать – скучной твоя жизнь не будет.

– Так получается, что и ведьмы действительно были?

– Ну, как тебе сказать. Действительно, появлялись женщины, чья жизнь после встречи со своей звездой определялась как жизнь в полете. Сейчас это называется левитацией –

умением преодолеть притяжение Земли. Больше они ничего не умели. Но зависть и злоба обычных людей стали приписывать им совсем несвойственные качества... Они знали, что если их поймают, то сожгут на костре, но не могли отказаться от полетов.

Я вспомнила невообразимую, бесшабашную радость от полета и согласно кивнула.

Еще о многом мы переговорили за ночь. Вернее, рассказывала Хранительница. О мире, что нас окружал. О том, что я скоро научусь чувствовать людей, которые, подобно мне, нашли себя. Что я смогу определять плохие для себя места, чтобы не попасть в беду. Да мало ли что еще. Я не все понимала, кое-что забыла. Но одно уяснила четко: я не мутант, и я не одинока.

Напоследок хозяйка пожалела, что я поторопилась рассказать все папе:

– Но ничего. Просто постарайся своими новыми знаниями не будоражить родных и близких.

Я не очень поняла, но пообещала этот совет выполнять.

В предрассветной мгле я возвращалась обратно. На крыльце дома, что стал нам пристанищем в Белозере, виднелся тлеющий огонек сигареты. Подлетев поближе, я различила, что это папа сидит на крыльце и курит!

Он же бросил почти год назад! Рядом с ним стояла консервная банка, доверху наполненная окурками.

Я приземлилась, прислонила метлу к крыльцу и села на

нижнюю ступеньку. Папа протянул руку, потрепал меня по голове и снова стал молча курить. А потом я повернулась к нему и попросила:

– Па, отпили мне, пожалуйста, черенок у метлы покороче, а то длинным управлять не очень удобно.

Глава V

Сон

Я проснулась совершенно одна. В горнице никого не было. Только на столе ожидал меня холодный завтрак, накрытый марлей от мух. За окном ярко светило солнце, и, судя по теням, день уже перевалил на вторую половину.

Наскоро перекусив и запив все удивительно вкусным молоком, я выскочила на крыльцо, чтобы оглядеться и решить, что делать. Я подумала, что папа ушел по каким-то своим делам, но тут же услышала его голос, бубнивший что-то за открытыми воротами сарая. Я пошла, чтобы поздороваться и поинтересоваться, что он там делает, и еще на полдороге услышала знакомый скрипучий голос:

– А я тебе говорю, не полетит!

На что папа с очень упрямыми интонациями в голосе возражал:

– Посмотрим, посмотрим!

Они продолжали препираться. Впрочем, по затрудненному и прерывистому дыханию папы было понятно, что он опять что-то мастерит. Надо сказать, что мой папа был в свое время автомехаником.

Я не выдержала и зашла внутрь. В углу сарая у окна стоял столярный верстак, такой же, как в школе у мальчишек в ка-

бинете труда, только побольше. Над ним склонился папа, а рядом на пустом ящике примостился дед Кузя в неизменной телогрейке.

– Привет, – мне показалось, что я спокойно произнесла эти слова, даже улыбнулась, тем не менее папа дернулся, словно испугался чего-то, и резко повернулся ко мне. Зато дед Кузя явно обрадовался и так широко раскрыл рот в ответной улыбке, что сквозь заросли его кудлатой бороды проглянули зубы. – А что вы тут делаете?

– Привет, ты уже встала? – попытался папа увести разговор в сторону. Хотя по его растерянности я сразу же поняла, что он что-то делает для меня, но не хочет, чтобы я увидела это раньше времени. Потому что, если бы это нечто не касалось меня, он бы или рявкнул вечное взрослое: «Не суйся не в свое дело», или бы тут же подробно объяснил суть «изобретения». Смешные эти взрослые, у них же все сразу на лице написано. Так что я не дала себя провести, а сразу заканючила:

– Па-а! Покажи! Ну покажи, папа!

Вскоре я добилась своего, и меня подпустили к верстаку. На нем лежала новенькая метла, к черенку которой папа уже прикрепил велосипедное сиденье.

– Вот, с утра в кузню сходил и сделал там хомуты, чтобы за черенок удобно крепить было.

Но мало того, рядом лежал еще и велосипедный руль от «Салюта», тоже явно переделанный. Я сразу оценила всю

прелесть новшеств:

– Ух ты, как здорово! Спасибо, папа!

И тут дед Кузя пролил ложку дегтя в бочку с медом:

– Благодарить будешь, когда прокатишься! А я твоему отцу твержу, что железо ведьминской метле противопоказано. Не будет она летать, и все тут.

Я почувствовала, как у меня округляются глаза, и взглянула на папу:

– Зачем? Я же только тебе рассказывала!

– Ну, во-первых, когда ты улетела, я сначала подумал, что ты... ну... насовсем, в общем... и вообще, я решаю, что надо и что нет; а во-вторых, Кузьма Петрович твой крестный, я тебе говорил, если ты помнишь. Когда ты родилась, он даже приезжал в Питер на крестины.

– В Петербург.

– Именно. Так что он тебя в обиду не даст и защитит. А то, что ты животных лечишь, что ты ведунья, – уже вся деревня знает. Но про твои полеты еще не разнюхали. Так что летать будешь только по ночам, и только под моим присмотром.

Я не выдержала и рассмеялась. Вслед за мной тут же расхохотался дед Кузя. Папа сначала переводил глаза с меня на крестного и обратно, потом заулыбался, а после, когда до него дошел смысл им же сказанного, тоже стал, простите за грубость, ржать как конь. И то ли солнечные зайчики, скачущие по стенам, были тому виной, то ли что-то другое, только мы никак не могли остановиться. Рядом были остатки про-

шлогодней соломы, и мы втроем повалились туда, держась за животы. Если кто-то проходил рядом, то ни за что не понял бы, что здесь смеются люди. Захлебывающееся повизгивание деда Кузи, переходящее в похрюкивание, совершенно павианий, лающий смех папы (я однажды такой слышала в зоопарке), переходящий в уханье филина, и мое поскуливание, потому что громко смеяться я не могла и только дергала ногами. Мы смеялись до колик, а остановиться не могли.

И даже умолкнув, еще долго сидели, держась за животы и всхлипывая.

Наконец папа всё же смог вернуться к верстаку и приладить на место руль.

– На, попробуй!

Я взялась за руль и уселась на новое сиденье, слегка согнув ноги в коленях. Оказалось очень удобно – словно садишься на большой трехколесный велосипед, а не на метлу. В общем – устойчивой получилась конструкция. А то я заметила по ночному полету, что не очень-то удобно управлять метлой, держась за черенок. Метла все время забирает в сторону той руки, которую я держу на ручке впереди. Да и, если честно, попе не очень удобно долго сидеть на узком черенке. Ну-у, теперь летаем!

Однако ничего не произошло. Я не смогла подняться в воздух. Я пробовала еще и еще, начала скакать по земляному полу сарая, но все тщетно. Метла меня не слушалась. Я стала потихоньку всхлипывать, стараясь сдержать рыдания,

охватившие меня. Что со мной случилось? За что? Я хочу летать.

— Говорил я тебе, Тимофеич, нельзя металл ставить. Давай с дерева строганём, и вся недолга. Послушай, что тебе дед говорит. Уж я-то знаю, что можно, а что нельзя. В крайнем случае, пусть катается на простой, без сиденья.

У меня даже дыхание перехватило. Действительно, чего это я? Это же метла не хочет летать, а не я.

Папа недоверчиво пожал плечами, но отправился в глубь сарая подыскивать подходящие доски. Я всегда любила смотреть, как работают с деревом, строгают его рубанком и шкурят, тем более что это делают для меня.

Дед Кузя лез к папе с советами и время от времени пытался сам встать за верстак. День еще только клонился к закату, а выгнутый руль и деревянное сиденье уже были готовы. Они опять заспорили, как крепить. Папа хотел все соединить на шипах и клею, а крестный утверждал, что это надо делать только с помощью кожаных ремней.

Уяснив себе, что, если верх одержит папа, придется ждать сутки, пока клей высохнет, а если дед Кузя с его ремнями, то хоть сейчас лети, я приняла сторону деда и вступила в спор. Папа немного обиделся, но сдался под нашим давлением.

Крестный очень шустро обернулся, сбегал домой и вскоре победно потрясал в воздухе зажатыми в кулаке длинными полосками кожи. Их тут же замочили в бочке с водой, и мы пошли на ужин в дом к тетке Варваре.

Едва завидя нас, тетка Варвара поманила меня из сарая, где она сидела на перевернутом ведре и доила корову. Струйки тоненько звенели о края ведра, уже наполненного более чем наполовину. На землю опускалась вечерняя прохлада, и от надоенного молока поднимался легкий парок.

– Ну-ка, подай мне кружку, Никочка! – скомандовала хозяйка.

Я послушно передала ей металлическую кружку и наклонилась, чтобы получше рассмотреть, как доят корову. Тетка Варвара одной рукой подставила кружку, а потом большим и указательным пальцами протянула вниз один из сосков. Причем так безжалостно, но корова даже не шелохнулась. Взык-взык – и кружка заполнилась, тут же оказавшись перед моим лицом.

– Выпей! В городе ты никогда такого не попробуешь.

Я заглянула в кружку. Там даже не было видно молока. Над ним возвышалась пузырящаяся шапка голубоватой пены, словно у пива. И у этого молока был такой душистый аромат и сладковатый вкус, что я и опомниться не успела, как кружка оказалась пустой. А мой язык всю слизывал пену с верхней губы.

– Вот это дело! – удовлетворенно поцокала тетка Варвара. – А ещё?

Я не отказалась, и вскоре вторая кружка теплого-теплого молока оказалась в моем желудке, сразу наполнив его какой-то удивительной сытостью. Так что даже и на ужин рас-

хотелось идти.

– Никочка, посмотри Пеструшку, а? Все ли у нее хорошо? А то что-то молока давать стала меньше, – вдруг попросила тетка, когда я уже выходила из сарая.

«М-да, приходи к нему лечиться и корова, и волчица... Началось. К концу лета я стану знатным ветеринаром. Или ветеринаршей? В общем, кем-то стану, это точно», – подумала я и уже привычно прищурилась, рассматривая хозяйскую корову. Но Пеструшка была абсолютно здорова, что я и сообщила тетке Варваре.

Но даже когда я повторила, что беспокоиться не о чем, тень сомнения не исчезла с лица хозяйки.

После ужина мы вернулись в сарай. Взрослые зажгли свет, и сразу клубы мошкары переместились с улицы поближе к лампе. Кожа уже разбухла, и папа с крестным приступили к работе. Они выкручивали жгуты и изо всех сил растягивали кожу. Их лица покраснели от натуги, зато вскоре дед Кузя удовлетворенно крикнул, оценивая свою работу, и протянул мне метлу с аккуратными седельцем и рулем.

Я тут же уселась (конечно, настоящее кожаное седло было мягче, но ничего) и, о чудо, тут же взлетела. Сделав пару кругов под стропилами сарая, я поняла, насколько удобнее теперь летать. Это все равно, что после самоката сразу же сжать руль горного велосипеда. На улице уже стемнело, и я легко выскользнула на простор. Свечкой ввинтившись в высоту, я подумала, что надо бы как-то отблагодарить взрос-

лых. И, не придумав ничего лучшего, со всего разгону влетела в сарай и подцепила на передок метлы лицом к себе деда Кузю и в то же мгновение умчалась обратно в небо. Крестный пребольно схватил меня своими узловатыми пальцами, ровно клещами, за плечи и в ужасе распахнул глаза и рот. Его развевающаяся на ветру борода была такой потешной, что я от смеха не услышала, что он там говорил мне. Уловила только что-то о земле. И тут же поняла, что, наверное, деду Кузе неудобно лететь спиной, он же ничего не видит, да и мне приходилось лететь чуть-чуть боком, чтобы смотреть вперед.

Я решила вернуться, но теперь перед сараем садилась уже аккуратнее. Едва ноги деда Кузи коснулись земли, как он стал оседать. Папа вовремя подхватил его на руки и перенес на лавочку перед домом, гневно бросив мне:

– Быстро воды!

Я кинулась бегом в дом, сообразив, что сделала что-то нехорошее. Когда я вернулась со стаканом воды, дед Кузя уже самостоятельно сидел на лавочке.

– Ты не ругай ее, Тимофеич, она ж не со зла, – тут он принял от меня стакан, медленно, маленькими глотками выпил все до дна и поднял на меня глаза, – стар я, Ника, уже для таких игрищ! Ишь, мотор-то и прихватило. – Он стал потирать грудь в области сердца. – Но ничего, все обойдется, не впервой.

Я стояла, не зная, что сказать. Мне хотелось подойти и об-

нять крестного, пожалеть его, но я боялась сделать еще что-нибудь не так. И тут папа повернулся ко мне, словно только сейчас заметил:

– Ну-ка, марш домой и спать! Никаких полетов сегодня тебе не будет! Совершенно ничего не соображаешь!

Он распалялся все больше и больше.

– Ты хоть когда-нибудь будешь думать? Ведунья, называется! А ума ни на грош!

Папа бы еще много чего сказал, это было видно по его лицу, да только крестный его остановил.

Сначала я хотела выстоять весь выговор на ногах, но при последних словах очень сильно обиделась на папу и, не говоря ни слова, повернулась и пошла в дом. Там я быстро скользнула в постель и вскоре, к собственному удивлению, задремала, невзирая на обиду.

...Мне тут же привиделось, как меня ругает за что-то папа, совершенно не понимая того, что он не прав. Мне было очень грустно, хотелось плакать, и поскольку я осознавала, что это вроде как понарошку, здесь все можно, я дала волю слезам. А потом подумала, что хорошо бы сделать так, чтобы папа снова стал маленьким мальчиком, примерно лет шести-семи, как Ёжик, сын маминой подруги. Старше не надо. Тогда, если на него вдруг несправедливо наругаются, он вспомнит, что значит быть маленьким, и каково это – терпеть ругань взрослых ни за что.

Да, это будет здорово, когда папа станет маленьким. Так

ему и надо. Можно подумать, я хотела, чтобы у крестного прихватило сердце... И как могут взрослые так поступать. Сначала сделал мне такую чудесную метлу, а потом вдруг в дым отругал. И еще обзывался. И сейчас не приходит. А я одна лежу в этом чужом доме. Пришел бы, сел бы рядышком, погладил по голове, я бы прижалась к его руке, и мы бы помирились. Если не придет, то так ему и надо, пусть станет маленьким. Отольются кошке мышьи слезки.

Я стала припоминать все прошлые несправедливые обиды. Их оказалось так много, что на глаза еще раз навернулись слезы. Я отплакалась и, успокоившись, окончательно заснула.

Глава VI

Беда

Ночью меня дважды будил петух-горлопан, но я тут же засыпала. Зато от почти неуловимого шороха под утро проснулась сразу и окончательно, хотя еще спать бы да спать.

По горнице кто-то осторожно ходил. Но странно, ни одна половица не скрипнула, хотя это в принципе невозможно. Я еще на второй день, как мы приехали в Белозеро, специально попрыгала по всему полу, чтобы узнать – есть не скрипучие места или нет. И тогда же мне стало понятно, что по полу невозможно сделать ни шагу, чтобы где-нибудь не скрипнуло.

Выждав некоторое время и не шевелясь, я тихонько открыла один глаз и осмотрелась. Ночной мрак уже рассеивался, а на лавочке у стола сидел и смотрел на меня маленький дед Кузя. Ну, уменьшенный, что ли. Такая же борода, такой же прищуренный взгляд, даже телогрейка такая же. Вот только, сидя на лавке, он не доставал макушкой до края стола.

Бедный, пришла мне первая мысль, как же ему неудобно было залезать. Он вертел головой в такт каким-то своим мыслям, дрыгал ногами и был вполне доволен своим положением.

– Крестный, – не выдержала я и позвала его шепотом, – что с тобой случилось?

– Ух, напугала, – взвился тот в воздух, спрыгивая со скамьи на пол. – Предупреждать надо. Сижу, никого не трогаю, сам готовлюсь поуготать. Посмотреть, значит, на твою... ну, как ее?... О!.. Реакцию. А тут ты со своими глупыми вопросами. Ладно, отвечу, я не твой крестный. Я – домовый Кузя, но живу в доме у Кузьмы Петровича. Вчера хозяин как пришел, так весь вечер про тебя хозяйке баил.

– Что-что делал?

– Ну, баил – говорил то есть, – продолжал сыпать скороговоркой домовый Кузя. – И ничего в тебе волшебного нет. Девчонка как девчонка! Да. А то хозяин там распелся как соловей – Ника то, Ника сё. Где волшебство? Где ум во взгляде, где магические силы, заставляющие вокруг всё светиться? Я ничего про звезды не понимаю, но ведь как обрадовался. У нас в деревне отродясь ни одной ведьмы не было. Да и в соседних тоже. Мы с мужиками, ну, с домовыми мужиками, подумали, что хоть вот сейчас жизнь начнется. А то глушь... оно и хорошо, конечно, что глушь, – влияний дурных нет. Дык ведь и геройства иногда хочется. Ну, там чтоб хоть посмотреть на дракона. Правда, издаля лучше. Или чтобы к тебе заявился какой-никакой Иван-царевич, а ты бы его съела. А? Может, уважишь старость? Съешь, а? Ну, не царевича, так хоть княжича какого?

Совершенно ошеломленная такой атакой, я уселась на

кровати, а ночной гость продолжал болтать, стоя посреди горницы. Он отставил ногу и выпятил вперед грудь, словно выступал на каком-нибудь митинге по телевизору. При последних словах я обхватила голову руками. Какой царевич?! Какое волшебство?! Что за домовой?!

Тут он замолк, просительно глядя на меня, и я успела вставить свой вопрос:

– Вы хоть объясните толком, кто вы такой?

Гость явно рассердился:

– Да я же сказал уже, домовый я. То есть хранитель дома. Ежели дом из дерева, да в правильном, чистом месте поставлен, да в нем печь большая есть, то обязательно поселится домовый. Ну, правда, надо, чтобы и хозяева понимание имели, чтобы относились по-человечески. Подкормить что-бы. Гостинцев там подбросить. Пока в избе домовый есть – пожаров не будет ни за что, дом как поставили, так и будет он стоять хоть тыщу лет. А коли нет нас, то и дом пойдет вразнос: фундамент просядет, стены расползутся и прочие беды: пожары, наводнения. Опять же – крыс я гоняю лучше всякой кошки. Они же умные твари – знают, в каком доме можно пожить, а в каком – нет.

Он помолчал немного, почмокал губами и вдруг пригрюнулся:

– Только все меньше нас. Люди не хотят больше знаться с домовыми. Дома строят где попало, печи не ставят. А ведь только у печки человек становится человеком. Да и моду за-

вели, чуть что – отдают дом другим хозяевам, а нас с собой не берут. А мы ведь всей душой не только к дому прикипаем, но и к семье...

Я невольно засмеялась, на что Кузя страшно обиделся:

– Чего ты смеешься? Так всегда Кузьма Петрович говорит, ежели что. И ты мне зубы не заговаривай. Отвечай, будешь есть кого? Или что-нибудь сказочное сотвори. Нашли сон на замок, хоть что-нибудь сделай... Раньше, когда бабки детишкам по вечерам сказки баили, те забьются на печку, и мы за печкой на месте своем уляжемся и все слушаем, слушаем... А потом мечтаешь, чтобы и вправду все это произошло. Да вот незадача. Край у нас какой-то совсем не волшебный стал.

Тут до меня дошло, что же именно меня сейчас больше всего беспокоило:

– Послушайте, а почему я вас вижу? И почему от вашего голоса папа не просыпается?

– Дык ведь люди-то простые нас ни видеть, ни слышать не могут. Это уж кому как дано. Ты вот стала ведьмой, так теперь и видишь нас.

– Не называйте меня ведьмой, а то я обижусь.

Он страшно удивился:

– Почему это? Ведьма – это же от слов «ведать», то есть «знать», и «ма» – то есть старшая женщина, главная женщина. Хм, хотя тебе еще расти и расти до звания главной женщины.

Тут Кузя вдруг подхватился:

– Ох, заболтался я с тобой. А щас скотинку на выгон отпращивать надобно. Ладно, следующей ночью приду, там договорим. Ну, покедова.

И с этими словами он выбежал прямо сквозь запертую дверь.

Я лежала совсем ошалевшая от этого визита. Что же это получается? Хранительница убедила меня в том, что волшебства нет. Но ведь домовые – это же волшебные существа. Хотя бы взять, как он прошел сквозь дверь. Ну, хорошо, допустим, раз я их видела, раз со мной случаются всякие странные вещи – значит, волшебные существа есть! НО! Тогда получается, что и Я со своими способностями (летать, лечить мысленным желанием и так далее) – тоже ВОЛШЕБНОЕ СУЩЕСТВО?

Я не хочу быть волшебным существом! Как будто нарочно, чтобы окончательно испортить мне настроение, пробежавшая по полу мышка вдруг подмигнула мне и, остановившись на мгновение, попробовала станцевать чечетку. У нее, конечно же, это не получилось, и она, засмеявшись, убежала.

Вон, во всех американских фильмах и сериалах стоит только ребенку что-то научиться делать: взглядом что-нибудь зажигать или читать чужие мысли, так за ним начинают охотиться всякие спецслужбы. А мне это надо? Мне совсем не надо, чтобы вокруг взрывались автобусы, гибли люди и всякое такое.

Ой, мамочки, что же делать? Мне стало совсем плохо, и я решила разбудить папу, чтобы с ним посоветоваться. Тем более и вставать уже пора, совсем рассвело.

Я соскользнула с постели и направилась в папин угол. Обычно под утро он похрапывает, а сегодня что-то затих. И даже с головой укрылся под одеялом. Я протянула руки, намереваясь изо всех сил потрясти папу за плечо. Он ведь такой тяжелый, что и не пошевелить его. Но вдруг под руками вместо папиного плеча оказалось что-то легкое и тщедушное, так что я чуть не упала на пол. Под одеялом что-то зашевелилось, и оттуда вынырнула заспанная мордашка какого-то малыша. Он тут же запищал тонким голоском:

– Ну, ты что, Ника, обалдела, что ли, совсем, так толкаться? О господи, что тебе надо?

Я в ужасе отпрянула от кровати, надеясь, что это всего лишь продолжение сна. В голове же сразу сложилось неумолимо, как таблица умножения, все последние события и голос Хранительницы: «Ты можешь влиять на живые существа», и мое желание: «Пусть папа станет маленьким».

Малыш отбросил одеяло и уселся на краю кровати, упершись локтями в колени и потирая лицо. Он был в папиных плавках, которых бы хватило на троих таких малышей, и я окончательно убедилась, что все это, к сожалению, не сон.

Надо признать, мне этот малыш сразу же понравился, особенно когда открыл глаза. Я любила рассматривать старые фотографии родителей в детстве. А этот живой большегла-

зый мальчик, явно еще дошкольник, с аккуратной стрижкой густых иссиня-черных волос, выглядел еще лучше. В нем ничего не осталось от моего прежнего папы. Стоп! Ужас какой-то – неужели это мой папа?!

Между тем малыш открыл глаза и мутным от сна взглядом уставился на меня:

– Мне такой кошмар снился... – тут он замолк, потому что понял одну неприятную для себя вещь. Обычно папа, даже сидя на диване или еще где-то, все равно смотрел на меня сверху вниз. Но только не сейчас. Хотя я и стояла не очень близко, ему пришлось взирать на меня снизу вверх. И это моему папе очень не понравилось. Он замер, потом стал медленно переводить взгляд с меня на свои ноги – маленькие, безволосые, трогательные ножки. Вообще, действительно мой новый папа (надеюсь, это правильное выражение, хотя, может, нужно говорить – новый облик моего папы?) чем-то неуловимо напоминал Ёжика, о котором я уже упоминала.

– ТЫ Ш-Ш-Ш-Ш-ТО? – зашипел на меня между тем папа. – НЕ-МЕ-ДЛЕ-ННО СДЕ-ЛАЙ МЕ-НЯ ОБ-РА-ТНО ВЗРО-СЛЫМ! СЛЫ-ШИШЬ?

Я испугалась не на шутку. В таком гневе я еще папу не видела. И тут до меня дошло: но и таким маленьким я еще папу тоже никогда не видела. Вот что он мне может сделать своими маленькими ручками? Ха! Мое желание сбылось – так что он теперь, наверное, уже понял, как плохо быть маленьким и почему я стремлюсь как можно быстрее вырасти.

Только, наверное, это очень круто вышло. Как-то надо сделать так, чтобы папа меня не пришиб потом сгоряча, когда опять станет взрослым. С него станется.

Между тем папа не стал дожидаться превращения. Он соскочил с постели, схватил меня за руку и рванул чуть в сторону, чтобы я оказалась к нему вполоборота и появилась возможность ударить меня по попе. Вернее, это ему хотелось сделать. На самом же деле он лишь чуть дернул меня в сторону и все. Я же в ответ легонько его оттолкнула. Правда, тоже не рассчитала силы. Я привыкла, что на папу и с разбега наскочишь, а ему хоть бы хны. А тут он отлетел и ударился об угол тумбочки. На его глазах сразу же появились слезы. Я подскочила к нему, пытаюсь обнять:

– Папочка, прости меня, я не хотела!

Но он стал отбиваться от меня и только жалобно просил:

– Уйди! Ну уйди же от меня!

Неизвестно чем бы все это кончилось, если бы со двора не раздался голос крестного:

– Эй, Тимофеич, и сколько тебя ждать? Мы же договорились.

Почти тут же раздались гулкие шаги по крыльцу. Папа дернулся к шкафу, на ходу теряя свои же плавки.

– Скажи, что я куда-то ушел, – пропищал он.

В горницу ввалился чрезвычайно довольный жизнью дед Кузя:

– Привет, Ника, а где твой отец?

Я не нашла ничего лучшего сказать, что он ушел к дяде Егору.

– Да??? – несказанно удивился крестный. – А как он ушел? Дворами, что ли? Я уж битый час сижу на завалинке, все его караюлю... А что он – без штанов ушел, что ли? – обратил он внимание на папину одежду на спинке стула. – И кровать его ты заправляешь? Чего это у вас творится?

Он стал подозрительно осматриваться вокруг, а потом заорал:

– Тимофеич! Я здесь и никуда не уйду. Ты чего надумал, а? Давай вылазь, знаю я твои штучки, самому все сделать захотелось? Не выйдет.

Он стал шерудить по избе, и кончилось все тем, что из шкафа, придерживая одной рукой плавки, вышел папа.

Крестный завертел головой, будто у него заболела шея:

– Так, а это что за мелочь пузатая?

Папа резко вскинул голову:

– Сам ты мелочь пузатая! Глаза разуй. Это я – племяш твой. О, горе мне!..

Тоненький папин голосок произвел невероятное действие. Дед Кузя, понимая, качнул головой и опустился прямо на пол. Да так и замер, как фарфоровый китайский болванчик.

Между тем папа, поддерживая плавки, болтавшиеся на нем, как парус, прошел на кухню, но вскоре вернулся, неся зажигалку:

– Слышь, дай закурить, а то мои кончились.

Дед Кузя достал пачку сигарет, и они задымили вдвоем, правда, папа сразу же закашлялся, попробовал еще раз затянуться и чуть не захлебнулся от кашля. И теперь они сидели рядышком на полу, уставившись каждый в свою точку. Курил только крестный, а папа потирал грудь. Я продолжала сидеть на лавке, боясь шелохнуться.

– Так ты, значит... того... этого, – нарушил затянувшееся молчание дед Кузя. – А как у тебя это вышло? Дочка, что ли, подсобила? Она могёт. У нее, значит, глаз теперь такой. Как что не по ней, так во что-нибудь и превратит, а тебя, значит, и вообще обратно открутила... М-да, каждому свое... Опять же хорошо, организм окончательно перестал курево принимать. Слышь, Вовчик, а когда ты, ну, это... обратно вырастешь, не знаешь?

Папа поиграл желваками на скулах, раньше у него это хорошо получалось, как у героя какого-нибудь боевика, но теперь, если откровенно, у него это вышло смешно. Однако я говорить этого папе не стала.

– Вон у нее спроси, – наконец отозвался папа, а потом повернулся ко мне: – Ника, последний раз говорю, верни меня в нормальное состояние.

Тут я не выдержала и заплакала. Пока папа пытался курить, я и так уже попробовала, и ничего не вышло. Что я и объяснила сквозь слезы.

– Та-а-ак! – протянул папа. – Какие будут предложения?

Вот что, Кузьма, давай-ка стоняй к себе домой. У тебя же там должно лежать что-нибудь для внуков из одежды? Выберешь на меня... – папа помолчал, а потом разразился длинной тирадой на каком-то гортанном языке, причем, если судить по интонациям, он очень сильно ругался.

– Ишь ты, – уважительно протянул крестный. – А это покаковски?

– По-грузински.

– А что ты говорил-то?

– Это лучше не переводить.

Дед Кузя быстро исчез. Не хуже, чем его домовой. А мы остались с папой вдвоем. Он поднялся с пола, забрался на кровать и улегся на спину, закинув руки за голову.

– М-м-м! – застонал папа и, тяжело вздохнув, взглянул на меня. – Своими бы руками прибил тебя, да только руки у меня теперь коротки.

И он, снова застонав, перевернулся на живот. Я осторожно присела рядом и стала поглаживать папину голову.

– Ты хоть понимаешь, что натворила?

Вообще-то я не очень понимала, отчего папа так сердит. Раз он заколдован, то значит – раньше или позже будет расколдован. Если бы меня кто заколдовал, чтобы я на время стала взрослой, я бы только обрадовалась.

– У меня были дела. Много дел, которые я должен был решить за свой отпуск здесь, на родине. Причем от меня требуется, чтобы я был ВЗРОСЛЫМ. И вместо меня никто их

не решит. И даже ты со всем своим волшебством не сможешь их решить. Потому что мне не объяснить тебе всего. Ты просто не поймешь. Ну, как я, к примеру, приду куда-нибудь и скажу: «Извините, обычно я очень большой...» Тьфу, черт побери, даже говорить не хочется.

Тут вернулся дед Кузя, держа в обеих руках по сумке.

– Вот, я вам поесть тут собрал. Вы ж не пойдете к Варваре? Кстати, кое-что нашел для тебя...

Крестный вытащил из кипы вещей красненькую рубашонку и цветастые шорты, кепочку и сандалии. Папа скептически оглядел все это:

– А трусы где?

– Вот, все здесь, в кулечке, – склонился над папой дед Кузя и погладил его по головке. Что поделать, если малышкой всегда хочется погладить? Только папе это не понравилось:

– Отойди, Петрович, от греха подальше.

Но тот внезапно развеселился:

– А то что? И что ты мне сделаешь? Вот захочу сейчас и отшлепаю.

Папины глаза сузились в щелочки:

– Ну, попробуй.

И тут уже вмешалась я:

– Папа, ну-ка прекрати сейчас же, что ты как маленький...

Мы, наверное, вспомнили, как смеялись в сарае, потому что захохотали одновременно. Правда, на этот раз успокоились гораздо быстрее.

Чуть погодя папа ушел на кухню переодеваться, а когда он появился, то мы с крестным снова рассмеялись. Перед нами стоял, напыжившись, маленький мальчик, исподлобья посматривавший на нас.

На улицу мы решили не выходить. Зато дед Кузя теперь остался с нами на положении равноправного заговорщика.

Обсуждать, в общем-то было нечего. Раз я не могла превратить обратно папу в нормального взрослого, значит, надо было обратиться за помощью или советом к знающим людям. Ни папа, ни крестный среди волшебников знакомых не имели. Да и у меня было только одно знакомство. Мы немного поспорили, одна я полечу или с папой. Но, поскольку я чувствовала себя виноватой перед ним, то согласилась взять его с собой.

Дед Кузя сбегал в сарай, принес оттуда инструменты и стал делать двухместную метлу. Папа путался у крестного под ногами, а тот цыкал на него в ответ. Один только раз он дал папе рубанок, но тот сразу же уронил его себе на ногу. Мы рассмеялись, а папа обиделся и надолго замолчал.

А потом мы до вечера играли в карты. Дед Кузя стал нашей связью с внешним миром. Он кормил нас, сторожил, когда мы выходили во двор, чтобы никто не заметил папу. А желающие пообщаться с папой были, но дед Кузя всех их гнал за ворота. Одна бы я без него не справилась. Да и с папой теперь он общался лучше, чем я.

Я никак не могла определиться, как теперь вести себя с

родителем. С одной стороны – раз он меньше меня, я должна приглядывать за ним. С другой стороны – старший все-таки он.

Тут я подумала: а что, если не получится папу вернуть в нормальное состояние? Что скажет мама? Ужас...

Когда окончательно стемнело, дед Кузя, убедившись, что поблизости никого нет, поманил нас на улицу. Мы вышли, и я вскочила в седло. Дед Кузя подхватил папу и посадил на второе сиденье передо мной. Я перехватила поудобнее руль и устремилась в небо.

Метла как будто сама знала, куда ей надо лететь. Папа сначала молчал, а потом, обернувшись, попытался перекрыть ветер:

– Как здорово! Я никогда не думал, что это так здорово! Может быть, ради одного этого полета и надо было мне превратиться в малыша? Если бы я был взрослым, то постеснялся бы с тобой лететь.

Тут во мне почему-то появилась уверенность, что нам предстоит еще не один такой полет, но сообщать папе свою догадку не стала.

Между тем он стал ерзать, озираясь по сторонам.

– А ты неплохо летишь! Километров сорок-пятьдесят в час гонишь, – одобрил папа. – Не слабо.

И снова продолжал ерзать. Я попыталась объяснить, что он мне мешает управлять метлой. Он посидел чуть-чуть спокойно и снова принялся егозить, так что пришлось дать ему

хороший подзатыльник. Он сразу же обиделся, зато успокоился.

Полет закончился под присмотром ярко-желтой луны прямо на крыльце домика Хранительницы леса. Я позвонила в колокольчик, и дверь тут же открылась.

– Входи, Ника, входи, – позвала из гостиной Хранительница. – Я так и знала, что ты вскоре прилетишь.

Мы вошли в дом и поздоровались. Я держала папу за руку.

– Ой, а это что за славный малыш с тобой? Как тебя зовут, глазастик?

Я не успела вмешаться, как папа ляпнул:

– Я Никин папа, а зовут меня Владимир Тимофеевич. С вами я уже заочно знаком.

– Что-о-о?! – воскликнула хозяйка, да так и замерла с открытым ртом. Пришлось ей объяснить, в чем дело. Но лишь когда папа утянул ее за руку к дивану и усадил рядом, она понемногу пришла в себя.

А потом случилось то, что и я предполагала! Едва взрослые собираются вместе, рядом с ними для детей места не находится. Папа тут же сделал попытку увести Хранительницу на кухню, а меня оставить в гостиной. Но, использовав силу, я воспротивилась этому. И тут меня поддержала хозяйка:

– Владимир Тимофеевич! Ребенок имеет право знать все, что с ним связано. Так что давайте поговорим при ней.

Папа немного покрутился по гостиной, разглядывая картины на стенах и фарфоровые статуэтки на полочках, а по-

том обернулся к хозяйке:

– У вас выпить не найдется? Мне много не надо, так, полбокала шампанского вполне хватит.

Хранительница улыбнулась:

– Я слышу речь не мальчика, но мужа. Но, во-первых, в этом доме нет алкогольных напитков, а во-вторых, ребенку спиртное противопоказано. А вы, несомненно, сейчас являетесь ребенком. Зато чая – сколько угодно. Сейчас принесу.

И мы стали чаевничать, как и в прошлый раз. А папа и Хранительница стали обсуждать, что можно предпринять в этой ситуации.

Как я поняла из их слов, я ничем не могла помочь папе. Мое волшебство заключается в том, что я могу делать многое: изменять живые существа и неживые предметы, но обратно превращать их мне не по силам.

Они провели со мной немного экспериментов и окончательно убедились в этом. Я легко превращала яблоко в грушу и грушу в ананас. Но уже один раз превращенная вещь расколдовываться ни за что не хотела. И муха, став белкой, не хотела больше быть насекомым.

Сама Хранительница тоже помочь была не в силах. Но она рассказала нам, как можно добраться до одного лешего, большого, по ее словам, мастера всяческих превращений. По убеждению Хранительницы, он нам должен был обязательно помочь.

После этого взрослые вновь заговорили о всяких непонят-

ных вещах. Я сначала слушала, время от времени задремывая, а потом вышла во двор и решила полетать. По крайней мере, гораздо больше удовольствия, чем слушать умные разговоры и ничего в них не понимать.

Налетавшись вволю, я вернулась в дом за папой. Нам ведь нужно было до рассвета вернуться домой. Он не хотел, но я настояла на своем, и мы стали прощаться с Хранительницей.

За всю обратную дорогу папа не проронил ни слова, видимо, серьезно думал. Хотя и так все было ясно. Найдем лучшего, и наше приключение кончится.

Мы вернулись домой. Папа уже устал, это было видно по его слипающимся глазам. Я помогла ему помыться, уложила в кровать, и пока подтыкала одеяло, он уже заснул. Проверив везде свет и закрыв дверь, улеглась и я.

Глава VII

Встреча с лешим

Собраться в путь – дело двух минут. Нам помогал дед Кузя, буквально на глазах помолодевший от соприкосновения с тайной и волшебством. Он сходил в магазин, принёс еду, и вообще иногда казалось, что это он главный герой разыгравшейся драмы, а не мы с папой.

На этот раз решено было лететь днем. Это ни у кого не вызывало сомнений. Для нашей метлы дед Кузя притащил откуда-то огромный мешок, так что при встрече никто бы не догадался, что у нас в руках. Он же предложил отойти от деревни подальше в укромную ложину на опушке леса и уже оттуда стартовать. С околицы нас не должны были заметить, потому что ни у одной избы на эту сторону не было окон. Кроме того, еще накануне по собственной инициативе дед Кузя самолично распространил по деревне слух, что Тимофеичу, то есть папе, якобы срочно пришлось уехать в город и бросить на его, деда Кузи то есть, попечение дочку, то есть меня. За что и был нещадно отруган. Папа бегал с утра по горнице и кричал:

– Ну, кто тебя просил? А Михайловы сегодня же узнают, что меня нет в деревне, ты этого добивался? Они же уедут, и что? Кто их вернет? А мне обязательно надо договориться

с ними...

Тут он смотрел на меня и слегка сбавлял обороты, а потом все начиналось сызнова. Папа в отчаянии пытался по-пробовать заговорить басом, чтобы хотя бы по телефону пообщаться с теми людьми, ради которых он приехал в деревню. Но все его попытки мы отметали с ходу. Его «бас» неизменно вызывал у нас с крестным приступы хохота.

Последний год он все носился с каким-то деловым проектом, связанным с его родиной. И вот когда, наконец, в городе все утряслось – такая незадача!

– Черт побери! Я не могу начинать деловые контакты с серьезными людьми в таком идиотском виде.

Но лично для меня трудность заключалась в другом. Нам предстояло пройти по деревне, прежде чем мы смогли бы укрыться в лощине. Кому-нибудь да обязательно попадемся на глаза. А для репутации нашей семьи, подчеркнул папа, подобные метаморфозы убийственны. Значит – нужно придумать, за кого выдавать папу.

Когда я это произнесла, взрослые надолго задумались. Потом они ожесточенно заспорили, предлагая друг другу имена разных детишек из окрестных сел, а также просто детей своих знакомых. Но не пришли ни к чему определенному. В конце концов, дед Кузя выдвинул необычное решение: я понесу мешок с метлой, а папа спрячется в другом мешке, который понесет дед Кузя.

– Не бойсь! Уж как-нибудь я тебя да донесу. Чего уж там

– бараний вес, а то и меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.